

того или иного заболевания; как правильное функционирование тела. «Враги», с которым борются соответствующие техники, заключаются в переизбытке, нездоровом питании, неправильном наборе питательных элементов. Мол замечает, что, несмотря на то, что анализ диет и практик, с ними связанных, нужно продолжать, предложенная ею методология — поиск онтоном — может помочь изучать профессиональные практики, переплетающиеся и основывающиеся на научном знании. Различные онтономы показывают, что нужно делать и что нужно улучшать, с кем нужно бороться и кто виноват. С помощью этого инструмента можно отследить, как и какие тела и виды пищи исполняются и обыгрываются в диетах и рекомендациях диетологов, какие идеалы и опасности взаимодействуют и сталкиваются друг с другом. Заканчивая статью, Мол говорит, что она принципиально не будет определять термин «онтономы» и не пытается создать «теорию онтоном»: наоборот, не нужно определять это понятие и делать «поворот к онтономам» — пусть онтономы останутся амбивалентным, текучим, пляшущим и дразнящим продуктивным методологическим инструментом.

2. John Law, Marianne Elisabeth Lien “Slippery: Field notes in empirical ontology”

В статье John Law и Marianne Elisabeth Lien «Скольжение: полевые заметки в эмпирической онтологии» изучаются практики «исполнения» (enactment) норвежского лосося. Исследование основано на этнографических материалах, собранных на рыбоводческой ферме в Норвегии. Авторы показывают, как в различных научных и рыбоводческих практиках исполняются *разные лосося*.

Авторы отмечают, что «онтологический поворот» в исследованиях науки и технологии (STS) представляет собой часть более широкого интеллектуального движения, истоки которого в европейской философии ведут к Ницше. Европейская мысль, начиная с древнегреческих философов, опирается на имплицитную предпосылку, что космос и бытие подчиняются какому-то порядку: задаваться вопросами по поводу того, что существует, означает искать какой-либо порядок. Однако может быть и другой путь: так, доминирующий канон китайской философии позволяет представить космос как нечто, не имеющее единого порядка. Со времен Ницше в европейской философии развивается онтологическое представление, более близкое китайскому. В STS можно проследить оба варианта онтологических представлений. Так, часть представителей этой дисциплины утверждают, что существуют различные группы, социальные интересы которых также различны, что ведет к разнообразию точек зрения. Эта позиция имплицитно основывается на классическом европейском каноне: существует единый порядок, которому подчиняется мир. Однако другая часть исследователей в области STS предпочитает концентрироваться не на людях и группах, а на практиках, и именно практики создают порядки. Порядки становятся эффектом практик, и, как практики, порядки различаются. Мир перестает быть подчиненным единому порядку: он, скорее, состоит из различных порядков, их совокупностей и процессов упорядочивания.

В STS уже на протяжении долгого времени исследуют онтологии в практике, что получило название «эмпирической онтологии». Именно в этой интеллектуальной традиции и написана статья. Авторы хотят показать, во-первых, чем является атлантический лосось, если представить его как эффект практик соотнесения с другими объектами, во-вторых, что упорядочивания суть *хореографии*, неустойчивые и непостоянные, в-третьих, затронуть то, что авторы называют «текстурами упорядочивания»: как в практиках проводится разделение между человеком и лососем; и, в-четвертых, коснуться продуктивности человеко-лососевых отношений, в которых лосось не только неразрывно связан с человеком, но и представлен как Другой, высказывающийся из рук человека.

Норвегия, рыбоводческая ферма. Кристин вылавливает мертвую рыбу с помощью небольшой сетки, затем кладет ее в ведро. Иногда попадает живая рыба. Здесь лосось есть то, что бывает живым, мертвым и поврежденным, — объект, который нужно рассортировать и убрать. Теперь сравните то, что делает Кристин, с этой фразой из энциклопедии: «Атлантический лосось (семга) — рыба из семейства лососевых, группа видов, характеризующихся сжатой вбок формой тела и наличием жирового плавника позади основного плавника». В энциклопедии тоже строится сеть отношений: есть имплицитная отсылка к классификации Линнея, описаны физические характеристики лосося. Если читать текст дальше, можно узнать о жизненном цикле семги, особенностях питания, географическом ареале и пр. Все эти факты — тоже отношения; описание, данное в энциклопедии — сеть ссылок, включающая в себя таксономическую систему, распространение, частные генетические характеристики и т.д. Практика Кристин строит одну сеть отношений, в которой лосось либо жив, либо мертв, либо поврежден. Энциклопедия и практики, которые она порождает и которыми она порождена, создают другую сеть отношений, связанную с классификациями, поведением, жизненным циклом и пр. Перед нами — две совокупности практик, и в этих практиках «делается» разный лосось, поскольку отношения, производимые этими практиками, различаются друг от друга. Лосося «в общем» нет: лосось зависит от того, как он «исполняется» в практиках. За пределами этих практик нет иных, «более общих», лососей. Снова ферма. Здесь, помимо ловли лососей, также вакцинируют молодых особей. Здесь тоже есть отношения: сети, паутины, ризомы запутанной соотнесенности, формирующих анестезированных лососей. В вакцинационной будке, внутри которой находится множество труб и проводов, работает Катрин. По одной из труб в металлическую корзину с анестетиком и водой попадают лососи, которых Катрин достает из корзины и погружает на ленту конвейера, переносящую лососей в вакцинационную машину. Если рыба положена правильной стороной и достаточно большая, то вакцинация проходит успешно. Катрин, работающая в резиновых перчатках, говорит, что рыба скользкая, ее сложно удержать в руках.

Так что же за лосось создается в этой сети отношений? Ответ следующий: это зависит от его способности к действию. Если он анестезирован, его способность к действию ограничена, его легче удержать в руках, он не вырывается, его проще вакцинировать. Однако в случае, если анестетик не подействовал, лосось пытается вырваться из рук, весь процесс вакцинации усложняется. Тем не менее способность к действию относится не только к лососям, но и к людям, у которых замерзают пальцы, а также к машине, которая совершает ошибки при определении успешности вакцинирования лосося. Другой ответ: практика вакцинации может быть понята

как совокупность повторяющихся отношений, включающих людей и физические материалы, которые определяют лосося как «пассивного» и «недостаточно пассивного». Пассивность лосося и действия машины и людей производятся относительно друг друга, шаг за шагом, в практике. Это своеобразная и очень сложная «хореография», требующая усилий, работы, тренировки, постоянного переделывания. Неудивительно, что эта «хореография» может не работать: так, если в воде слишком много анестетика, рыба умирает; без шерсти внутри перчаток пальцы замерзают и забрасывают лосося на ленту конвейера не той стороной; загрязнение оптического сенсора на вакцинационной машине приводит к ошибкам в ее работе.

«Хореографии» должны поддерживаться, но порядка, который стоит за их формированием и сдерживанием хаоса, нет. То же относится и к отношениям (связям) между практиками. То, чем является лосось, становится эффектом каждой конкретной меняющейся «хореографии» и, соответственно, может меняться, быть «текучим».

Машина в вакцинационной будке не только производит вакцинацию рыбы, но и измеряет ее. Минимум — 11 сантиметров в длину: если лосось меньше этого размера, то он по одной из труб отправляется в специальный контейнер для рыб-«неудачников». «Если в этом контейнере рыба не вырастет, она больше не вырастет нигде», — говорит управляющий. Этот контейнер — средоточие практик, в которых «исполняются» рыбы-«неудачники». Рост рыбы в сети отношений на ферме неразрывно связан с неспособностью расти: одно предполагает другое. Эти практики «исполняют» рыбу, чей рост и здоровье определяются по заданным критериям; «исполняются» как здоровые, так и нездоровые рыбы. Нездоровая по тем или иным причинам рыба становится Другой по отношению к здоровой. Вторая классификация затрагивает поведенческие аспекты: рыба, ведущая себя неагрессивно, вырастает меньших размеров; в свою очередь, биология рыб определяет и «исполняет» лососей как различные метаболические системы, разнообразие которых распространено во всей популяции лососей. Каждая из этих практик и классификаций относится к разным наукам: некоторые «мобилизуют» биологию рыб, другие — ветеринарные практики.

Машина, подсчитывающая длину рыб, определяет, какие рыбы подходят для фермы, а какие нет, то есть актуализирует связи между этими рыбами, показывая, что «хореографии» не только иногда не работают, но обязательно должны действовать не всегда. Практика, в которую вовлечена машина, формирует текстуру разделения (*texture of separation*). Существуют и другие такие текстуры. Так, например, текстура (не-)видимости. Кристофер кормит рыб, бросая корм в воду. Он должен определять, насколько рыбы голодны, чтобы не израсходовать слишком много корма. Он определяет это по поведению рыб: если они бросаются на корм, то они голодны; если же они не сильно заинтересованы в корме, они, возможно, перекормлены. По сравнению с описанными выше практиками меняется модальность: это отношения, в которых доминирует зрение, а не машина и руки, из которых выскальзывают лососи. Меняется и «качество» взаимодействия, поскольку вода непрозрачна и Кристофер видит лишь небольшое количество рыбы, плавающей на поверхности: лишь некоторые лососи «говорят» с ним, показывая свой голод или его отсутствие. Лосось здесь «исполняется» как «немой» и едва видимый и в основном не включен во взаимодействие с человеком.

Касаясь продуктивности человеко-лососевых отношений, нужно изучать текстуры практик, в которых проявляются эти отношения: как люди и лососи сталкиваются друг с другом — тактильно и визуально, с помощью машин и анестетиков.

Изучая эти текстуры, мы понимаем, чем является лосось по отношению к людям, а также узнаем продуктивность данных практик. Так, вышеописанная практика разделения лососей по размеру и поведению создает другие зависимые от нее реальности, в которых существуют недостаточно большие лососи или лососи с плохим здоровьем. Также, когда лосось выскальзывает из рук, из известной практики мы попадаем в реальность скольжения, в реальность *неожиданного*. Практики упорядочивания в таком случае не работают, а «не работать» означает создание неожиданных сущностей, неожиданных лососей, находящихся не на своем месте, судьба которых не определена.

В случае с Кристофером, кормящим рыб и понимающим, что он видит только малую часть лососей, оказывается, что человеко-лососевые отношения продуктивны только в поле зрения человека. То, что происходит с лососем, частично является эффектом человеко-лососевых отношений, а частично ускользает от взгляда и знания человека. Тогда человеко-лососевые отношения генерируют неизвестный (для людей) «скользкий полумрак лососевых возможностей».

Эта статья, утверждают авторы, написана, чтобы показать, что пришло время изучать не только исполняемые в тех или иных практиках онтологии, но и то, что они скрывают, тех Других, которые подразумеваются в онтологиях, текстуры, находящиеся на границах между видимым и невидимым, пассивностью и скольжением. Подобный ход в изучении практик взаимодействия человека и животного означал бы более внимательное рассмотрение тех животных, которые исполняются, но не совсем осуществлены (*not-quite-realised*), животных, которые исполнялись в прошлом, но были превращены в Других, и тех животных, которые как буквально, так и фигурально проскальзывают сквозь сети и живут за пределами или на границах того, что известно человеку. Можно заимствовать термин из колониализма и говорить о «подчиненных» (*subaltern*) зверях, как существуют подчиненные, «низшие» культуры. Так, лосось, который взаимодействует с человеком больше 12 тысячелетий, разводится на специальных фермах только последние сорок лет; и интересно и важно изучать текстуры, которые «делают» лосося по отношению к человеку, артикулировать лососей, которые «не совсем лососи», и оценивать, можно ли как-то улучшить эти отношения и практики. Подобные задачи и предметы исследования ждут эмпирическую онтологию в случае, если ученые откажутся от предпосылки о наличии единого упорядоченного мира.